

АНТРОПОЛОГИЯ

Бахшиев И. И., Куфтерин В. В., Бахшиев Р. И., Гиззатов Д. З.

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ УФЫ

Статья посвящена публикации и интерпретации материалов нового погребения эпохи раннего средневековья на территории Уфы. Территориально и типологически погребение соотносится с группой некрополей турбаслинской культуры Приуралья. Анализ материала с прилегающих комплексов позволил объединить разрозненные погребения левобережья р. Сутолока в единый погребальный комплекс – могильник «Старая Уфа-1» (V–VI вв.).

Ключевые слова: *средневековье, Уфа, погребальный обряд, турбаслинская культура.*

В пределах Уфимского полуострова, где расположена основная часть города, известно о 95 памятниках археологии, большинство из которых определяются эпохой раннего средневековья и содержат материал бахмутинской, турбаслинской, кушнаренковско-караякуповской археологических культур III–VIII вв. Преобладают поселенческие комплексы – 59 объектов, а погребальных памятников насчитывается 36 (Бахшиев, Бахшиев, 2015). Выделяются такие крупные средневековые некрополи, как Дежневский, Чайка, Галановский II, Глумилинский, Новиковский, комплекс «уфимских погребений», а также укрепленные поселения Уфа-II, Уфа-III, Уфа-V, сеть селищ – «Бельские землянки», «Салют», «Госцирк», Тоннельное, Дудкинское II и др. Бесспорно, что концентрация значительного числа археологических объектов, является результатом интенсивного и плотного освоения относительно небольшой территории Уфимского полуострова в древности и средневековье.

Необходимо понимать, что приведенные количественные данные не являются окончательными, поскольку практически ежегодно археологами фиксируются новые археологические объекты – отдельные комплексы и/или участки культурного слоя, обнаруженные, в большинстве случаев, при проведении земляных и строительных работ. Между тем эти, возможно, не очень яркие, но показательные археологические объекты зачастую не введены в широкий научный оборот. В настоящей работе представлены материалы лишь одного разрушенного погребения, позволяющего, тем не менее, сделать ряд важных заключений.

В 2009 г. в результате археологического обследования строительного котлована по ул. Сочинская¹ (рук. И. И. Бахшиев), выявлены остатки трех могильных ям, из заполнения которых были изъяты мелкие фрагменты сосудов эпохи раннего средневековья и человеческие кости.

Расположение и топография

Исследуемая территория находится на площадке высокой коренной террасы правого берега р. Белой, в 400 м восточнее устья р. Сутолоки, на южной оконечности Уфимского полуострова. Возвышенность, на западной окраине которой размещались могилы, с северо-запада и запада ограничена руслами рек Сутолока и Белая, а по северо-восточному подножию – глубоким оврагом, вдоль которого пролегает ул. Сун-Ят-Сена. Зафиксированные погребения компактно располагались на ровной мысовидной площадке склона коренной

¹ Согласно современному адресному плану Уфы, построенному на месте котлована многоэтажному жилому дому присвоен адрес Менделеева, 10.

террасы. Из трех погребений, к моменту обследования, два были разрушены тяжелой техникой, лишь контуры могильной ямы третьего захоронения четко фиксировались в разрезе котлована.

Характеристика литогенно-почвенных напластований на участке археологических изысканий

В результате обследования бортов строительного котлована, в районе фиксируемого профиля могильной ямы был заложен локальный стратиграфический разрез общей протяженностью 2,15 м. В связи с невозможностью ориентировки разреза по сторонам света (балласт мощностью 0,6–0,7 м) профиль был вписан в борта строительного котлована – СЗ–ЮВ. Получена следующая стратиграфическая колонка, в целом характеризующая особенности формирования почвенных напластований на всей исследуемой площадке (рис. 2).

1 – асфальт (0,05–0,07 м);

2 – слой, состоящий из строительного балласта, песчано-гравийной смеси (ПГС) и щебня. Крупность зерен гравия – средняя. Нижняя часть слоя характеризуется многочисленными затеками подстилающего слоя строительного балласта (строительный мусор) (0,35–0,4 м);

3 – темный гумусовый слой, неоднородный по составу, насыщенный строительным мусором, с включениями битого стекла и кирпича (0,12–0,22 м);

4 – плотный, среднезернистый серозем. Занимает центральную часть профиля. Протяженность 1,2 м, мощность 0,2–0,22 м;

5 – сильно нарушенная гумусированная супесь темно-серого цвета, непрочнокомковатая, среднезернистая, плотная. Переход постепенный (0,18–0,25 м);

6 – погребенная почва (гумусированный плотный суглинок темно-серого цвета). Переход четкий. В верхней части слой рыхлый, к низу фиксируется слабое уплотнение (0,1–0,25 м);

7 – заполнение могильной ямы, рыхлый, среднезернистый серозем, с выраженными затеками материкового грунта;

8 – материковая глина светло-желтого цвета, единая по структуре, без затеков, среднеуплотненная (рис. 2).

Отметим, что зафиксированные почвенные напластования, за исключением слоя плотного серозема и погребенной почвы, залегали на всем участке разреза строительного котлована.

Описание комплекса

Контуры могильной ямы четко фиксировались на уровне погребенной почвы. Юго-западный край разрушен строительным котлованом. Могила подпрямоугольной формы с закругленными углами. Стенки отвесные. Дно ровное. Длинной осью ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Углублена в материковый грунт на 0,4–0,42 м, а с учетом прорезания погребенной почвы, общая глубина могильной ямы составила 0,57–0,62 м. Размеры сохранившейся части комплекса 1,25x0,6 м. Заполнение могилы состояло из слоя серозема со значительными включениями суглинка светло-желтого оттенка. Находки в заполнении могильной ямы не обнаружены.

Обряд захоронения – труположение, на спине, головой на СВ. Костяк мужчины 25–35 лет хорошей сохранности. Расположение костей в погребении соответствовало, за некоторыми исключениями, анатомическому. В частности, полностью отсутствовали кости нижних конечностей, снесенных вместе с юго-западной частью могилы в процессе рытья котлована.

Сопроводительный инвентарь включал в себя точильный камень, бронзовую пряжку и железный нож. Все находки располагались в районе левой руки погребенного, в области лучевой кости и кисти, у юго-восточной стенки ямы (рис. 1).

Точильный камень подпрямоугольной формы со сглаженными краями и затертой поверхностью. Размеры: 10×2,4–2,7×1 см. Находился на левой кисти погребенного (рис. 1, 1).

На лучевой кости левой руки обнаружена круглорамчатая безщитковая бронзовая пряжка с длинным спекшимся, слегка выходящим за рамку язычком. Подвижный язычок округлый в сечении и отогнут на узком конце. Длина язычка – 2,5 см. Рамка изготовлена из округлого в сечении бронзового дрота диаметром 0,3 см, утолщенного в передней части. Диаметр рамки – 2,3 см (рис. 1, 3). Спектральный анализ пряжки показал, что пряжка изготовлена из оловянной бронзы с незначительными примесями посторонних металлов, что, вероятно, обуславливается неполной чистотой исходного материала.

Сильно корродированный однолезвийный железный нож, длиной 17,6 см и шириной 2,3 см, расчищен у левой кисти погребенного. На поверхности лезвия ножа фиксируются сохранившиеся фрагменты деревянных ножен. Изделие плохой сохранности, с прямоугольным в сечении черешком длиной 3–3,5 см, шириной 1,6 см, и прямым плоским однолезвийным клинком с закругленным острием. Переход от черешка к обуху и лезвию ножа отмечен небольшим уступом (рис. 1, 2).

Анализ материала

Погребальный комплекс содержит в себе признаки, характерные для погребального обряда турбаслинской и бахмутинской культур Приуралья.

Конструктивная особенность могильной ямы позволяет отнести ее к типу II (могилы простой конструкции) и типу 1 (прямоугольные могильные ямы с вертикальными стенками) по классификации типов могильных камер Н. А. Мажитова и Ф. А. Сунгатова (Мажитов, 1977: 95; Сунгатов, 1998: 92), соответственно, а также к 4-ой группе типологической сетки В. Ф. Генинга (Генинг, 1972), определяемой как простая могильная яма. По сведениям Ф. А. Сунгатова, из 221 анализируемых им турбаслинских захоронений, 25,1% (56 ед.) могил относились к погребениям простой конструкции с вертикальными стенками. Больше распространены лишь прямоугольные простые погребения с суживающимися ко дну стенками (тип 2) с 42,6% встречаемости (Сунгатов, 1998: 92).

Незначительная глубина рассматриваемого погребения – 50–60 см, более характерна для бахмутинских могильников (Мажитов, 1977: 100). Для турбаслинских же погребений среднее значение составляет ок. 1 м (Мажитов, 1977: 96; 1981: 24).

В то же время ориентировка погребенных в северный сектор (с отклонениями на СЗ и СВ) – один из признаков турбаслинских захоронений (Сунгатов, 1998: 93).

По своим морфологическим особенностям, обнаруженная в погребении бронзовая пряжка, относится к варианту А типа I классификации Ф. А. Сунгатова (Сунгатов, 1998: 62). Аналогичные пряжки широко распространены и происходят из погребальных памятников сер. – второй пол. I тыс. н.э. обширной территории Волго-Окского междуречья, Среднего Поволжья, Прикамья, Пермского Предуралья, Северного Кавказа, Восточного Приаралья (Краснов, 1980: 59–60, 96–97; Голдина, 1985: 124–126; Розенфельдт, 1982: 101–102; Левина, 1993: 147; Белавин, Крыласова, 2012: 150). В территориальном отношении наиболее близкие аналогии «сочинской» безщитковой круглорамочной пряжке находим в погребальных комплексах Бирского могильника (Мажитов, 1968: 124; Султанова, 2000: 30), Ново-Турбаслинских и Дежневских курганов (Мажитов, 1959; Сунгатов, 1995).

Основываясь на материалах Бирского могильника и погребальных комплексах турбаслинской культуры Приуралья, рассматриваемый тип пряжек достаточно уверенно датируется в пределах V–VI вв. (Султанова, 2000: 30, 77–78), либо кон. V–VI вв. (Сунгатов, 1998: 85).

Между тем отметим, что сходные по морфологии пряжки обнаружены, и в более ранних комплексах мазунинской (раннебахмутинской) культуры Среднего Прикамья III–V вв. (Останина, 1978: 105–108; 1997: 64; Васюткин, 1980: 82). Проведенная общая классификация погребального инвентаря позволила Т. И. Останиной выделить такие пряжки в отдельный тип (вариант 3 тип I) (Останина, 1997: 63–64). В погребениях Нырғындинского I могильника Среднего Прикамья также фиксируются морфологически близкие круглорамчатые безщитковые пряжки (Голдина, Красноперов, 2012: 63). Аналогичные пряжки найдены и в захоронениях Старо-Муштинского могильника III–IV вв. н.э. Обнаруженные здесь круглорамчатые щитковые и безщитковые пряжки с прогнутыми и прямыми хоботообразными язычками авторы исследований датировали II–III вв. и IV в. соответственно, и отнесли их к периоду бытования гунно-позднесарматских памятников (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004: 42). При этом такие признаки «сочинской» пряжки как, утолщенная передняя часть рамки и нависающий за рамку язычок появляются только в конце IV в. (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004: 42; Малашев, 2000: 209). Второй пол. IV–V вв. датируются также круглорамчатые безщитковые пряжки с утолщенными передними рамками и прогнутыми язычками, и в комплексах Тураевского I могильника (Голдина, Бернц, 2010: 132).

С. Г. Боталов и С. Ю. Гуцалов относят морфологически близкие к этой категории пряжки к одним из специфических признаков гунно-сарматских захоронений II–IV вв., откуда они, по их мнению, распространились по всей евразийской степи, а также территории Прикамья (Боталов, Гуцалов, 2000: 158) и, вероятно, получили дальнейшее развитие, в том числе, в материалах турбаслинских памятников Уфимско-Бельского междуречья.

Несмотря на то, что рассматриваемый тип пряжек имеет широкий диапазон бытования, в целом характеризуется архаичным обликом. Учитывая расположение комплекса на территории распространения турбаслинских древностей датировка V–VI вв. наиболее приемлемая.

Находки ножей в погребениях в целом не характерны для турбаслинского погребального обряда. В общей сложности, в ареале распространения культуры обнаружено 9 целых экземпляров ножей, позволивших, тем не менее, Ф. А. Сунгатову выделить два варианта. Морфологические признаки ножа из погребения по ул. Сочинской соотносятся с вариантом 1 классификации Ф. А. Сунгатова – ножи с уступом со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку (Сунгатов, 1998: 77).

В отличие от турбаслинских некрополей, более широкое использование ножей в погребальном обряде фиксируется в мазунинских (раннебахмутинских) и бахмутинских могильниках. Обнаруженные здесь ножи имели уступчики как со стороны спинки и лезвия, так со стороны только лезвия или спинки. Группировка по размерным показателям позволяет отнести нож из рассматриваемого погребения к варианту 1 – ножи с длиной клинка от 12 до 20 см (Останина, 1997: 68–69) и вариантом В – с длиной лезвия от 13 см и более (Султанова, 2000: 48). Так, Т. И. Останина отмечает находки различных типов ножей в 41% захоронений мазунинской культуры Среднего Прикамья (Останина, 1997: 68). В материалах Бирского и Старо-Муштинского могильников зафиксировано 110 и 35 ед. соответственно (Султанова, 2000: 49; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004: 40, 52). «Сочинский» комплекс выделяется, во-первых, редким для Прикамья расположением ножа у руки, а, во-вторых, Т. И. Останиной отмечается, что такое размещение ножа зафиксировано только в женских захоронениях (Останина, 1997: 27), тогда как рассматриваемое погребение принадлежало мужчине.

Антропологическая характеристика и анализ

Полученные скелетные останки представляют несомненный интерес, так как антропологические данные по раннесредневековым погребениям Уфы, несмотря на значительное количество изученных захоронений, крайне скудны (Акимова, 1968: 75).

Поступивший на исследование материал хорошей сохранности (отсутствуют лишь левые берцовые кости и кости стоп). Его изучение включало определение морфологических особенностей строения зубов, черепа, посткраниального скелета и имеющих место патологических изменений. Однако в силу ограниченного объема статьи далее представлена лишь краниологическая часть исследования².

Половая идентификация скелетных останков не вызывает сомнений – особенности морфологии черепа и посткраниальных элементов однозначно свидетельствуют об их принадлежности индивиду мужского пола. Возраст смерти, определенный по комплексу показателей, составил интервал 25–35 лет.

Череп измерялся по традиционной для отечественных антропологов программе (Алексеев, Дебец, 1964), в рамках стандартного бланка. Переходя к его индивидуальному описанию (табл. 1, рис. 3) отметим, что мозговая коробка характеризуется большими величинами основных диаметров. Она мезокранна, ортокранна и метриокранна по величинам соответствующих указателей. Череп имеет длинное и широкое основание. Затылок большой ширины, характеризуется очень большой величиной хорды и дуги. Угол его перегиба очень малый, затылочное отверстие средней длины и ширины. Теменные дуга и хорда очень малые. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Наименьшая ширина лба большая, наибольшая – средняя, лобно-поперечный указатель средний (мезозем). Лобные дуга и хорда малые. Лоб наклонный, углы профиля от назиона и глабеллы – на верхней границе малых величин. Надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Сверху череп имеет овоидные очертания – наибольшая ширина приходится на заднюю часть мозговой коробки при сглаженных лобных и теменных буграх.

Лицо высокое и широкое. Длина его основания средняя. Скуловой диаметр очень большой. Горизонтальная профилировка умеренная (сильнее на уровне зиго-максиллярных точек). По общему лицевому углу и углу альвеолярной части череп мезогнатный. Относительная высота лицевого скелета средняя (мезопрозоп), верхний отдел лица также средневысокий (мезен). Клыковая ямка глубокая. Высота носа средняя, ширина – малая, по указателю фиксируется лепториния. Переносье низкое и широкое. Угол выступания носа малый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Орбиты среднеширокие и высокие, мезоконхные по максилло-фронтальному и гипсиконхные по дакриальному указателям. Альвеолярная дуга и небо длинные и широкие.

Нижняя челюсть характеризуется средней длиной от мышцелков и очень большой от углов. Размеры мышцелковой и угловой ширины большие, передней – средние. Ветвь слабонаклонная, средневысокая и среднеширокая. Высота симфиза и тела – средняя. Толщина тела также средняя.

Для выявления ближайших аналогий описанному морфокомплексу, было проведено ориентировочное сопоставление «сочинского» черепа с рядом территориально и хронологически близких групп, и их отдельных представителей (табл. 2). Сравнение проводилось по 15 краниометрическим признакам (№№ по Мартину: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 51, 52, 54, 55, SC, SS, 77, Zm, 75(1)). Учитывая условность подобной операции (единичные черепа далеко не всегда являются «типичными» для группы), в качестве приема сопоставления избран кластерный анализ (пакет программ Statistica). Выбор данного способа сопоставления был обусловлен тем, что, во-первых, он не накладывает строгих ограничений на вид рассматриваемых объектов (сравнение индивидов и групп) и, во-вторых, может применяться даже в случаях, когда речь идет о простой группировке (Халафян, 2008: 241–242). Результаты применения различных способов кластеризации представлены на рис. 4. Анализ полученных дендрограмм позволяет отметить, что исследуемый краниум обнаруживает устойчивое тяготение к черепам V–VI (VII) вв. из раскопок в Орджоникидзевском парке г. Уфы (№ 8) – Дежневский курганный

² Подробные сведения по морфологическим особенностям зубной системы и элементов посткраниального скелета могут быть получены по запросу у В. В. Куфтерина.

могильник и серии «Кочевники Башкирии» IX–XI вв. (№ 15). Устойчивость выделенных кластеров при использовании разных методов объединения является одним из внешних критериев, позволяющих судить о реальности их существования (Олдендерфер, Блэшфилд, 1989).

Полученные в результате кластерного анализа комплексы подлежат осторожной морфологической интерпретации. В частности, с черепами из Дежневского могильника, исследуемый краниум сближает широкое и высокое лицо в сочетании со слабым выступанием носовых костей. Эти признаки существенно отличают данные черепа от турбаслинских (Акимова, 1968). Сборную серию «Кочевники Башкирии» IX–XI вв. (Мрясимовский, Каранаевский, Муракаевский, Старо-Мусинский и Старо-Халиловский могильники) сближают с «сочинским» черепом такие признаки, как крупные размеры мозговой коробки и большая ширина лица. По мнению С. Г. Ефимовой, серия «Кочевники Башкирии», равно как и более поздние черепа из Сынтыш-Тамакского могильника, резко отличается от приуральского населения предшествующего времени и вписывается в круг форм, представленных в кочевом мире Казахстана и Южной Сибири (Ефимова, 1991: 61). Необходимо подчеркнуть, что приведенные морфологические аналогии носят сугубо ориентировочный характер и нуждаются в проверке на более обширном материале. В заключение можно представить типологическую характеристику черепа из погребения на ул. Менделеева: европеоидный с некоторой долей монголоидного компонента.

Т а б л и ц а 1

Краниометрическая характеристика черепа из погребения на ул. Менделеева, 10

Признак	Параметр
1. Продольный диаметр	186
1b. Продольный диаметр от оп	183
8. Поперечный диаметр	148
17. Высотный диаметр	137
5. Длина основания черепа	104
40. Длина основания лица	99?
9. Наименьшая ширина лба	102
10. Наибольшая ширина лба	118
11. Ширина основания черепа	130
12. Ширина затылка	114
7. Длина затылочного отверстия	37
16. Ширина затылочного отверстия	30
20. Ушная высота	113,3
23а. Горизонтальная окружность через оп	517
24. Поперечная дуга $po - b - po$	306
25. Сагиттальная дуга	369
26. Лобная дуга	120
27. Теменная дуга	108
28. Затылочная дуга	142
29. Лобная хорда	105
30. Теменная хорда	97
31. Затылочная хорда	112
FS. Высота изгиба лба	20,7
OS. Высота изгиба затылка	33,0
43. Верхняя ширина лица	108
45. Скуловой диаметр	143
46. Средняя ширина лица	112
48. Верхняя высота лица	74
47. Полная высота лица	123

51. Ширина орбиты от mf	43
51a. Ширина орбиты от d	40
52. Высота орбиты	36
54. Ширина носа	23
55. Высота носа	52,5
60. Длина альвеолярной дуги	58?
61. Ширина альвеолярной дуги	68
62. Длина неба	48
63. Ширина неба	44?
SS. Симотическая высота	4,4
SC. Симотическая ширина	10,0
MS. Максиллофронтальная высота	7,6
MC. Максиллофронтальная ширина	20,7
DS. Дакриальная высота	9,4
DC. Дакриальная ширина	24,0
FC. Глубина клыковой ямки	7,0
JS. Высота изгиба скуловой кости	13,1
JC. Ширина скуловой кости	56,1
77. Назомалярный угол	140,4
Zm. Зигомаксиллярный угол	130,6
32. Угол профиля лба от назиона	79
gl. Угол профиля лба от глабеллы	73
33(4). Угол перегиба затылка	115
72. Общий лицевой угол	83
73. Средний лицевой угол	82
74. Угол альвеолярной части	84?
75. Угол наклона носовых костей	64
75(1). Угол выступания носа	19
C. Угол выступания подбородка	76
65. Мыщелковая ширина нижней челюсти	126
66. Угловая ширина нижней челюсти	108
67. Передняя ширина нижней челюсти	46,5
68. Длина нижней челюсти от углов	85
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	106
69. Высота симфиза	34
69(1). Высота тела	32,5
69(3). Толщина тела	12
70. Высота ветви	63
71a. Наименьшая ширина ветви	35
79. Угол ветви нижней челюсти	108
NV. Форма черепной коробки сверху	овоид
Gl. Надпереносье	3,5
AS. Надбровные дуги	2
PO. Наружный затылочный бугор	4
PM. Сосцевидный отросток	2
AP. Нижний край грушевидного отверстия	inf.
SN. Передне-носовая ось	2,5
8:1. Черепной указатель	79,6
17:1. Высотно-продольный указатель	73,7
17:8. Высотно-поперечный указатель	92,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,9
9:43. Фронтно-малярный указатель	94,4

9:45. Лобно-скуловой указатель	71,3
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	87,8
40:5. Указатель выступления лица	95,2?
47:45. Общелицевой указатель	86,0
48:45. Верхнелицевой указатель	51,7
61:60. Альвеолярный указатель	117,2?
52:51. Орбитный указатель (mf)	83,7
52:51a. Орбитный указатель (d)	90,0
54:55. Носовой указатель	43,8
45:8. Поперечный фацио-церебральный указатель	96,6
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	54,0
SS:SC. Симотический указатель	44,0
DS:DC. Дакриальный указатель	39,1

Т а б л и ц а 2

Перечень сравнительных данных

№ п./п.	Серия / индивид	Источник данных
1	Уфа, ул. Менделеева, 10	Настоящая публикация
2	Бирский могильник, ранние черепа	(Акимова, 1968)
3	Бирский могильник, поздние черепа	»
4	Каратамакский могильник, п. 1, чер. 2	(Акимова, 1962)
5	Старо-Муштинский могильник	(Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004)
6	Кушнаренковский могильник	(Акимова, 1968)
7	Ново-Турбаслинский могильник, к. 25, п. 1	»
8	Могильник в Орджоникидзевском парке г. Уфы	»
9	Митинский могильник	»
10	Деменковский могильник	»
11	Серия мазунинской культуры	(Ефимова, 1991)
12	Мыдлань-Шай	»
13	Поломский могильник	»
14	Камышлы-Тамакский могильник	(Акимова, 1968)
15	Серия «Кочевники Башкирии» IX–XI вв.	(Ефимова, 1991)

Вопросы реконструкции и археологический контекст комплекса

Участок бассейна среднего течения р. Белой вокруг устья р. Уфы (территория современного г. Уфа) выступает в качестве центра расселения турбаслинских племен в период с V по VIII вв. (Сунгатов, 1998). Археологический материал показывают, что к V в. Уфимский полуостров был густо заселен турбаслинским населением и являлся, вероятно, ядром их этнокультурной консолидации. Расположение здесь погребения с бахмутинскими культурными элементами и выраженный керамический комплекс «чандарского типа» городища Уфа-II, свидетельствует о тесных бахмутинско-турбаслинских межкультурных контактах на ранних стадиях турбаслинской миграции в Приуралье. Думается, что данный довод подтверждается датировкой обнаруженной в могиле пряжки в пределах V–VI вв. Этот хронологический период характеризует собой первый этап существования турбаслинской культуры на территории Южного Урала, отражающий процесс активного взаимодействия местного (бахмутинского) и пришлого (турбаслинского) населения. Видимо, именно в V–VI вв. при активном участии турбаслинцев произошла окончательная трансформация раннебахмутинской (мазунинской) археологической культуры в собственно бахмутинскую (Сунгатов, 2006: 92).

На левобережье р. Сутолока, до обнаружения разрушенных «сочинских» погребений, был известен лишь один комплекс – одиночное захоронение эпохи средневековья по ул. Е. Сазонова, выявленное при земляных работах в 1987 г.³. В погребении, относящемся к турбаслинской культуре, найден уникальный позднеримский бронзовый медальон с изображением воинов (Гарустович, Иванов, 1994: рис. 1; 2010: 80–81; Иванов, Обыденнов, 2001: 141–148). Компактное расположение всех этих захоронений позволяет объединить их в составе единого некрополя, датируемого V–VI вв. Одновременно с этим достаточно «разряженное» размещение погребений позволяет предполагать наличие здесь в древности курганных насыпей над могилами.

Хронологическое соотношение захоронений и совокупный анализ всего артефактного набора из комплексов позволяет уточнить культурную атрибуцию некрополя.

В частности, находка здесь бронзового медальона, указывает на турбаслинскую культурную доминанту могильника. Идентичное изделие с изображением двух воинов с мечами, копьями и щитами было обнаружено на грудной клетке погребенного из турбаслинского захоронения кургана 103 Дежневского могильника, расположенного на северной окраине Уфимского полуострова (Мажитов, Сунгатов, Султанова, 2008: 34) (рис. 5).

Кроме того, в 40-х гг. XIX в. на прилегающей к некрополю территории – левый берег р. Сутолока, был обнаружен клад вещей, в том числе культовый жезл, также соотносимый Г. Н. Гарустовичем с турбаслинским населением V–VII вв. (Гарустович, 2014: 60).

Пространственное и культурно-хронологическое распределение погребальных и поселенческих памятников эпохи средневековья Уфимского полуострова указывает на их очевидную взаимосвязанность. В частности, выделенную группу погребений, скорее всего, следует связывать с близлежащими единовременными поселенческими комплексами – городищами Уфа-I, Уфа-III и крупнейшим многослойным памятником эпохи средневековья – городищем Уфа-II. Мощность культурного слоя на этих памятниках варьируется от 1 до 3–4 м, что указывает на длительность функционирования городищ, и густонаселенность рассматриваемого региона в эпоху средневековья. Косвенно на это же указывает и высокая концентрация погребальных памятников на территории южной части Уфимского полуострова. Одиночные средневековые захоронения известные как «уфимские погребения», объединенные по итогам ГИС-исследований в составе отдельных могильников «А», «Б» и «В» (Бахшиев И. И., Насретдинов, Бахшиев Р. И., 2012: 20–22; Ахатов, Бахшиев, Камалеев, Колонских, Тузбеков, 2015: рис. 1), также, вероятно, соотносятся с системой городищ Уфа I–III.

Дежневский курганный могильник, расположенный на северной оконечности Уфимского полуострова, очевидно, приурочен к близлежащим поселенческим памятникам – селища Тоннельное, Уфимское («Бельские землянки»), Уфимское («Салют»), Ручейное. При этом определенно связывая некрополи с известными на территории Уфимского полуострова поселенческими объектами, не следует исключать возможности того, что в эпоху средневековья рассматриваемый регион определялся, вероятно, более обширной сетью населенных пунктов, функционировавшей на широко разветвленной гидрографической системе полуострова, ныне разрушенной в результате плотной городской застройки. Подтверждением этому может служить пример территории г. Бирск и его округа, где в ходе проведения полевых работ было обследовано 40 объектов археологического наследия, из которых 37 относились к поселенческим памятникам (городища, поселения, селища) (Савельев, Акбулатов, Овсянников, Лебедев, Ахметова, Ахметов, 2007: 26–27). Особенность ландшафтно-топографического размещения данных объектов показала, что, помимо приуроченности к участкам правого берега р. Белой,

³ Исследуемый в 2010 г. комплекс располагался в 30–45 м западнее этого погребения. Считаю приятным долгом выразить слова благодарности В. А. Иванову за уточнение сведений о месторасположении погребения по ул. Е. Сазонова.

отмечается плотное освоение террас мелких и мельчайших водотоков на вершине плато Бельского правобережья, в том числе ныне полностью пересохших или распаханых. Вероятно, аналогичная схема расселения в эпоху раннего средневековья была характерна и для Уфимского полуострова, также обладавшего разветвленной овражно-балочной сетью, и системой ручьев и малых рек.

Таким образом, проведенные исследования позволяют объединить разрозненную группу погребений по ул. Е. Сазонова и ул. Сочинская (Менделеева, 10) в единый погребальный комплекс – курганный (?) могильник «Старая Уфа-1» (V–VI вв.).

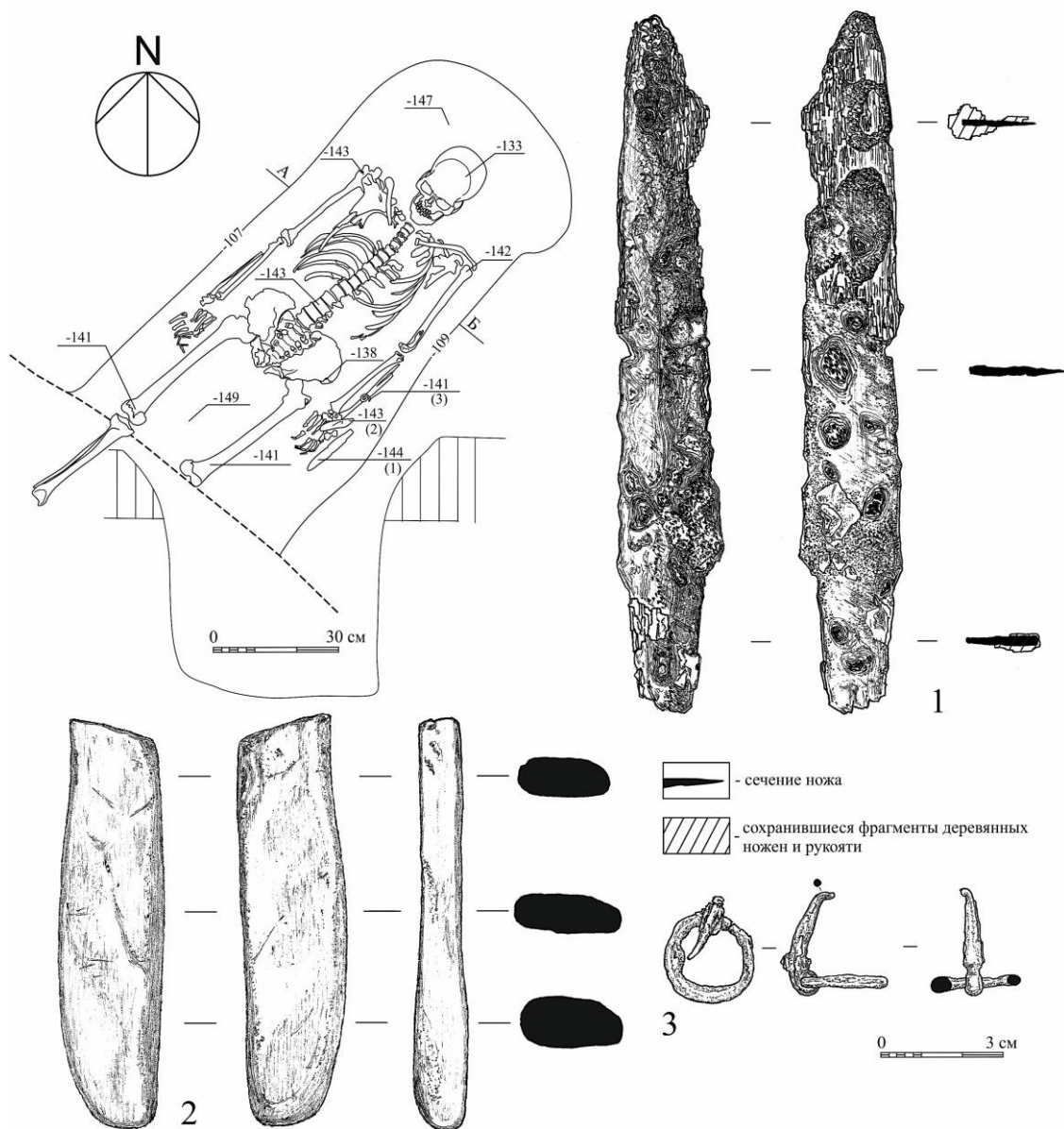


Рис. 1. Город Уфа, ул. Менделеева, 10. Разрушенное погребение из могильника «Старая Уфа-1». 1 – каменный оселок; 2 – железный нож; 3 – бронзовая пряжка

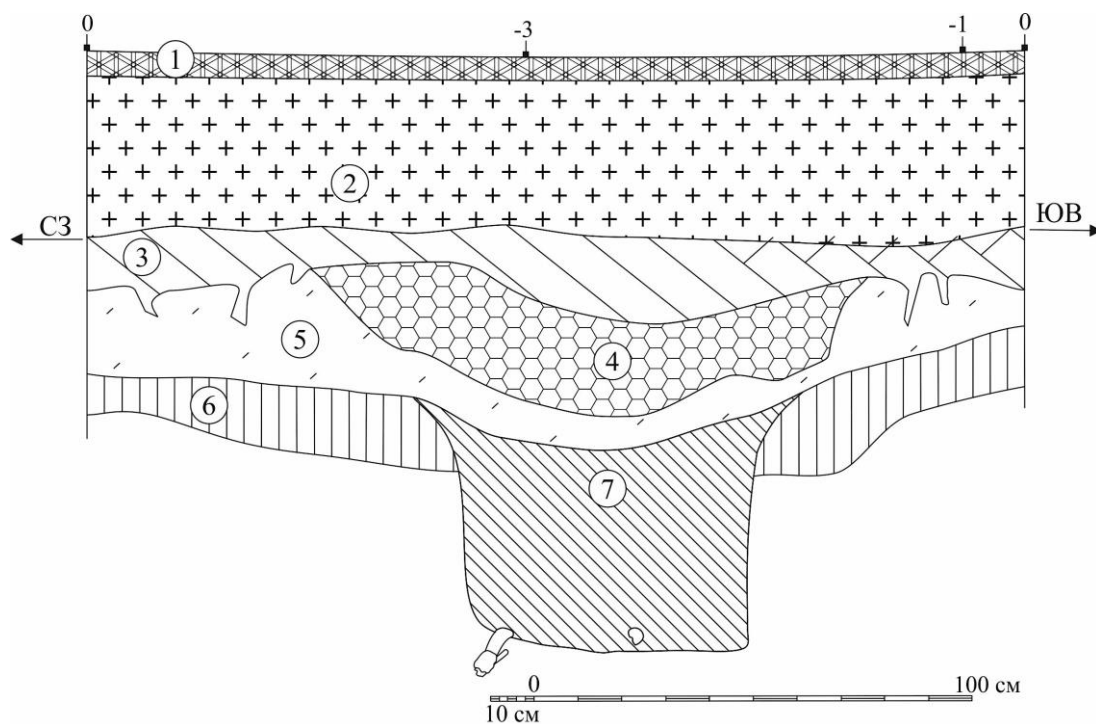


Рис. 2. Город Уфа, ул. Менделеева, 10. Разрушенное погребение из могильника «Старая Уфа-1». Локальный стратиграфический разрез борта строительного котлована. 1 – асфальт (0,05–0,07 м); 2 – слой строительного мусора, песчано-гравийной смеси (ПГС) и щебня (0,35–0,4 м); 3 – темный гумусовый слой, насыщенный строительным мусором, с включением битого стекла и кирпича (0,12–0,22 м); 4 – плотный серозем (0,2–0,22 м); 5 – гумусированная супесь темно-серого цвета (0,18–0,25 м); 6 – погребенная почва (0,1–0,25); 7 – заполнение могильной ямы, слой серозема со значительными затеками светло-желтого (материкового) суглинка; 8 – светло-желтая материковая глина



Рис. 3. Череп из погребения по адресу: г. Уфа, ул. Менделеева, 10

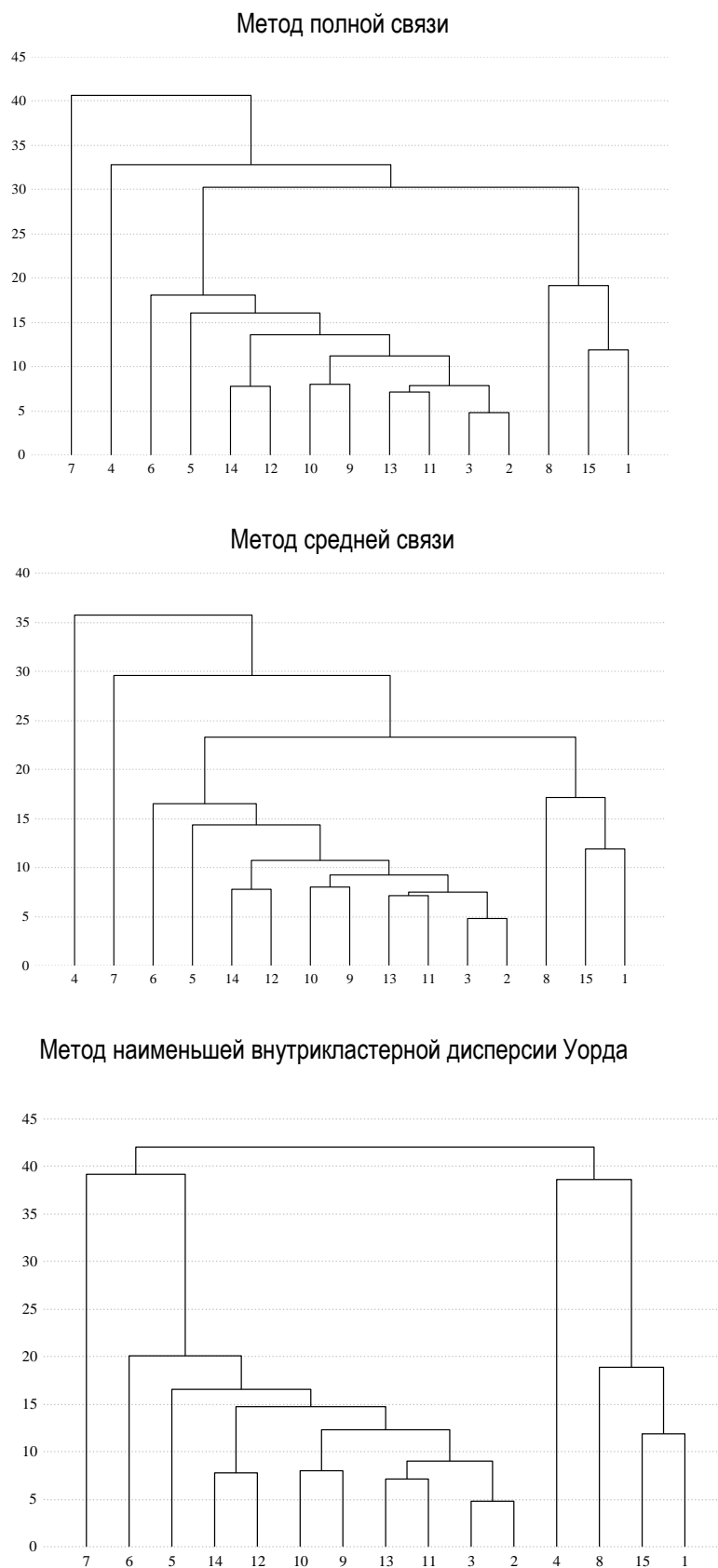


Рис. 4. Результаты разных способов кластеризации (иерархическая процедура, евклидова метрика).
Номера соответствуют порядковым номерам в табл. 2.

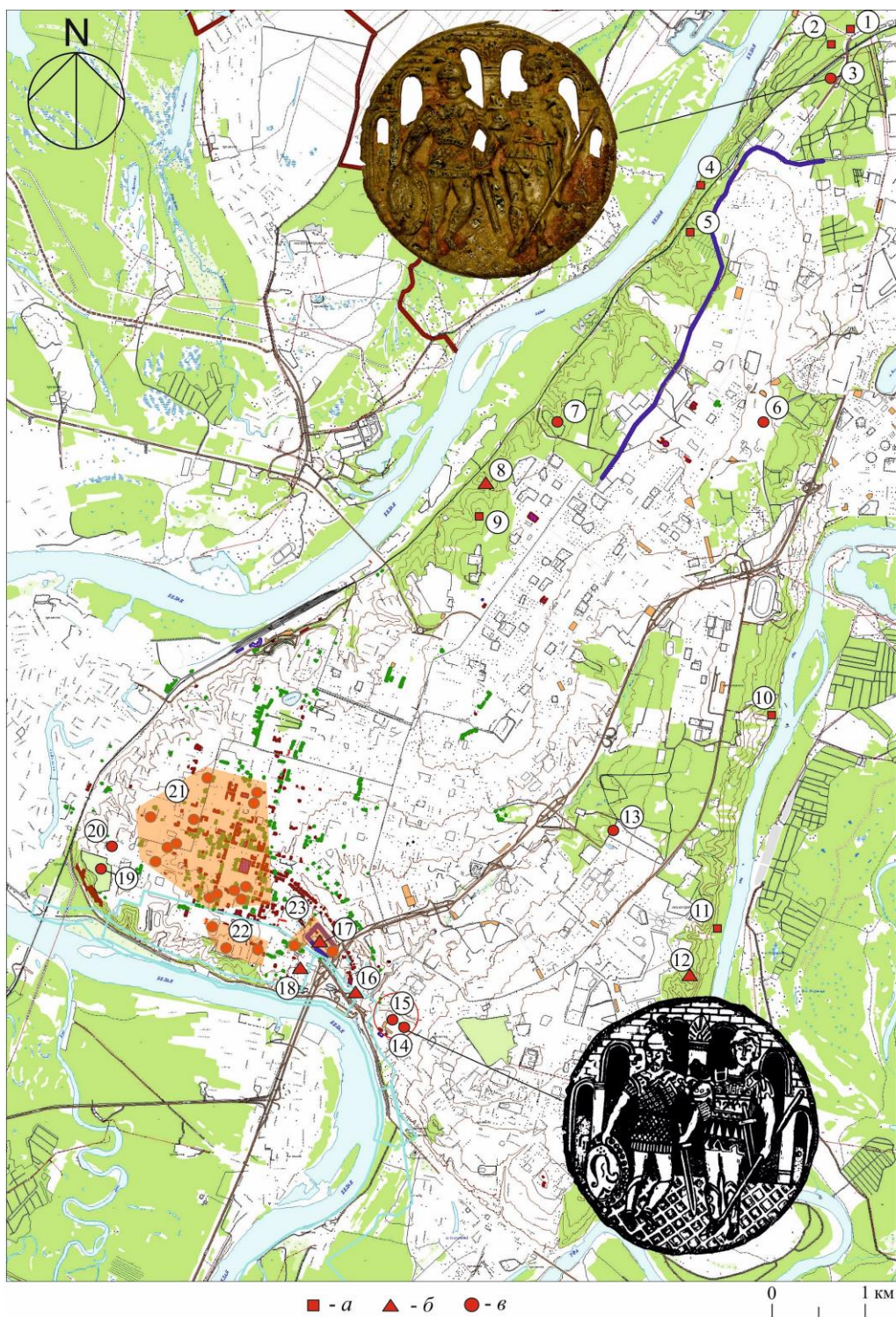


Рис. 5. Памятники эпохи раннего средневековья (III–VIII вв.) Уфимского полуострова. а – селища; б – городища; в – погребальные памятники (одиночные погребения и могильники). 1. Тоннельное селище; 2. Уфимское селище (Бельские землянки); 3. Дежневский курганный могильник; 4. Ручейное селище; 5. Уфимское селище (Салют); 6. Глумилинские курганы; 7. Курганный могильник «Чайка-1»; 8. Городище Уфа-V; 9. Селище Маяк; 10. Селище Юнар; 11. Дудкинское II селище; 12. Уфимское (Чертово) городище; 13. Новиковские курганы; 14. Погребение по ул. Егора Сазонова; 15. Погребение по ул. Менделеева, 10; 16. Городище Уфа-I («Монумент Дружбы»); 17. Городище Уфа-II; 18. Городище Уфа-III; 19. Уфимские курганы («Мусульманское кладбище»); 20. Галановский могильник; 21. Уфимские погребения (могильник «А»); 22. Уфимские погребения (могильник «Б»); 23. Уфимские погребения (могильник «В»)

Список литературы

- Акимова М. С. Антропологические материалы бахмутинской культуры // Археология и этнография Башкирии. – 1962. – Т. I. – С. 361–365.
- Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. – М.: Наука, 1968. – 120 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.
- Ахатов А. Т., Бахшиев И. И., Камалеев Э. В., Колонских А. Г., Тузбеков А. И. Археология Нового времени и проблемы изучения городского культурного слоя Уфы (материалы исследований ИЭИ УНЦ РАН 2012–2013 годов) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 6 (361). – С. 45–56
- Бахшиев И. И., Бахшиев Р. И. Применение ГИС-технологий в изучении раннесредневековых памятников Уфимского полуострова // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / гл. ред. Н. А. Томилов; отв. ред.: М. А. Корусенко, А. А. Тишкин, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, Н. Н. Серегин. – Барнаул; Омск: Наука, 2015. – С. 162–165.
- Бахшиев И. И., Насретдинов Р. Р., Бахшиев Р. И. Анализ пространственных данных в современной археологии: некрополи эпохи раннего средневековья южной части Уфимского полуострова // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа: Аркаим, 2012. – С. 18–22.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2012. – 259 с.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.
- Васюткин С. М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 72–91.
- Гарустович Г. Н. Культурный «канделябр» с территории Башкортостана: светильник или жезл // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2014. Т. 19, № 1. – С. 56–62.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Уникальное произведение позднеантичной торевтики с изображением воинов // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. – Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1994. – С. 137–145.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Уникальное произведение позднеантичной торевтики из погребения на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 3. – С. 79–89.
- Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 221–295.
- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
- Голдина Р. Д., Бернц В. А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 17. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 499 с.
- Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Нырғындынский I могильник II–III вв. на Средней Каме // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. – Т. 22. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 364 с.
- Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 95 с.
- Иванов В. А., Обьденнов М. Ф. Археология города Уфы. Очерки древней и средневековой истории и культуры города. – Уфа: Издательство «Юрика», 2001. – 184 с.
- Краснов Ю. А. Безводнинский могильник: к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
- Левина Л. М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. – Вып. III. Джетыасарская культура. – Ч. 2. Могильники Томпакасар и Косасар. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо Маклая, 1993. – 283 с.
- Мажитов Н. А. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959. – С.114–142.
- Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н.э. – М.: Наука, 1968. – 162 с.
- Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М.: Наука, 1977. – 240 с.
- Мажитов Н. А. Южный Урал в VI–VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 23–28.
- Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. Сокровища Древней Уфы. – Уфа: ГУП «ГРИ «Башкортостан»», 2008. – 112 с.

- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 194–232;
- Олдендерфер М. С., Блэшфилд Р. К. Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. – М.: Финансы и статистика, 1989. – С. 139–209.
- Останина Т. И. Нивский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – С. 92–117.
- Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – 327 с.
- Розенфельдт И. Г. Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. – М.: Наука, 1982. – 177 с.
- Савельев Н. С., Акбулатов И. М., Овсянников В. В., Лебедев А. И., Ахметова Е. А., Ахметов Э. С. Проект зоны охраны объектов культурного наследия города Бирск: В 2-х т. – Т. 1. Текст, графические материалы // Архив НПЦ Министерства культуры Республики Башкортостан. – Уфа, 2007. б/н.
- Султанова А. Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование: дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2000. – 207 с.
- Сунгатов Ф. А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 118–137.
- Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). – Уфа: Гилем, 1998. – 169 с.
- Сунгатов Ф. А. Этнокультурные процессы в Приуралье в раннем средневековье (IV–VIII вв. н.э.) // Восток в исторических судьбах народов России: V Всероссийский съезд востоковедов. – Уфа: Вилли Окслер, 2006. – С. 85–97.
- Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсупов Р. М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. – 172 с.
- Халафян А. А. Statistica 6. Статистический анализ данных. – М.: ООО «Бином-Пресс», 2008. – 512 с.

Бахшиев И. И., канд. истор. наук, зав. отделом археологического наследия Южного Урала.

Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева, Уфимский научный центр РАН.

ул. Карла Маркса, 6, Уфа, Россия, 450077.

E-mail: ibahsh@gmail.com

Куфтерин В. В., канд. биол. наук, старший преподаватель кафедры экологии и природопользования.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

ул. Октябрьской Революции, 3А, Уфа, Россия, 450000.

E-mail: vladimirkufterin@mail.ru

Бахшиев Р. И., аспирант.

Башкирский государственный университет.

Ул. Заки Валиди, 32, Уфа, Россия, 450076.

E-mail: rusbahsh@yandex.ru

Гиззатов Д. З., научный сотрудник.

Государственное бюджетное учреждение культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия

Республики Башкортостан» при Министерстве культуры Республики Башкортостан.

ул. Чернышевского, 47, Уфа, Россия, 450076.

E-mail: arhnpc@mail.ru

Материал поступил в редакцию 05.12.2017.

Bakhshiev I., Kufterin V., Bakhshiev R., Gizzatov D.

THE NEW BURIAL OF THE EARLY MIDDLE AGE IN UFA

The article is dedicated to the publishing and interpretation of materials of the new burial of the Early Middle Age in Ufa. Geographically and typologically the burial is related to a group of necropolises of

turbaslinskaya culture in the Pre-Urals. Analysis of the materials of the adjoining complexes allowed to consolidate separated burials of the left bank of the river Sutoloka to united burial complex – the cemetery I Old Ufa (V–VI centuries AD).

Key words: *the Middle Ages, Ufa, burial ritual, turbaslinskaya culture.*

References

- Akimova M. S.* Antropologicheskie materialy bahmutinskoy kulturyi [Anthropological materials of bakhmutino culture] // *Arheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkortostan]. – 1962. – Vol. 1. – P. 361–365. (in Russian)
- Akimova M. S.* Antropologiya drevnego naseleniya Priuralya [Anthropology of the ancient population of the Pre-Ural region] – M.: Nauka Publ., 1968. – 120 p. (in Russian)
- Alekseev V. P., Debets G. F.* Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranio-metry. Methods of anthropological research]. – M.: Nauka Publ., 1964. – 128 p. (in Russian)
- Ahatov A. T., Bahshiev I. I., Kamaleev E. V., Kolonskih A. G., Tuzbekov A. I.* Arheologiya Novogo vremeni i problemy izucheniya gorodskogo kulturnogo sloya Ufy (materialy issledovaniy IEI UNTs RAN 2012–2013 godov) [Archaeology of the New Age and the problems of studying the urban cultural layer of Ufa city] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. – 2015. – Vol. 6 (361). – P. 45–56. (in Russian)
- Bahshiev I. I., Bahshiev R. I.* Primenenie GIS-tehnologiy v izuchenii rannesrednevekovykh pamyatnikov Ufimskogo poluostrova [Application of GIS technology in the study of the early medieval monuments of the Ufa Peninsula] // *Integratsiya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov* [Integration of archeological and ethnographic research: collection of scientific papers]. – Omsk: Nauka Publ., 2015. – P. 162–165. (in Russian)
- Bahshiev I. I., Nasretdinov R. R., Bahshiev R. I.* Analiz prostranstvennykh dannykh v sovremennoy arheologii: nekropoli epohi rannego srednevekovyaya yuzhnoy chasti Ufimskogo poluostrova [The analysis of the spatial data in modern archeology: cemeteries of the Early Middle Ages of the southern part of the Ufa Peninsula] // *Etnosyi i kulturyi Uralo-Povolzhya: istoriya i sovremennost: materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh* [Ethnicity and culture of the Ural-Volga region: history and modernity: the 6th Russian scientific-practical conference of young scientists]. – Ufa: Arkaim Publ, 2012. – P. 18–22. (in Russian)
- Belavin A. M., Krylasova N. B.* Ogurdinskiy mogilnik [The Ogurdinsky cemetery]. – Perm: Perm. gos. ped. un-t Publ., 2012. – 259 p. (in Russian)
- Botalov S. G., Gutsalov S. Yu.* Gunno-sarmaty Uralo-Kazahstanskikh stepey [Hun and Sarmatians of the Ural and Kazakhstan steppes]. – Chelyabinsk: Rifey Publ., 2000. – 267 p. (in Russian)
- Efimova S. G.* Paleoantropologiya Povolzhya i Priuralya [Paleoanthropology of Volga and Pre-Ural regions]. – M.: MSU Publ., 1991. – 95 p. (in Russian)
- Garustovich G. N.* Kultovyy «kandelyabr» s territorii Bashkortostana: svetilnik ili zhezl [Cultic "chandelier" from the territory of Bashkortostan: lamp or rod] // *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan]. – 2014. – Vol. 19, № 1. – P. 56–62. (in Russian)
- Garustovich G. N., Ivanov V. A.* Unikalnoe proizvedenie pozdneantichnoy torevtiki s izobrazheniem voynov [The unique work of the Late antique toreutics with images of warriors] // *Vooruzhenie i voennoe delo drevnih plemen Yuzhnogo Urala* [Arms and military affairs of the ancient tribes of the Southern Urals]. – Ufa: PKF "Konkord-Invest" Publ., 1994. – P. 137–145. (in Russian)
- Garustovich G. N., Ivanov V. A.* Unikalnoe proizvedenie pozdneantichnoy torevtiki iz pogrebeniya na Yuzhnom Urale [The unique work of the Late antique toreutics of the burials in the southern Urals] // *Problemy istorii, filologii, kulturyi* [Problems of history, philology, culture]. – 2010. – № 3. – P. 79–89. (in Russian)
- Gening V. F.* Yuzhnoe Priurale v III–VII vv. n.e. (problema etnosa i ego proishozhdenie) [Southern Pre-Urals in the III–VII centuries AD (The problem of the ethnic group and its origin)] // *Problemy arheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of the archeology and ancient history of Ugrians]. – M.: Nauka Publ., 1972. – P. 221–295. (in Russian)
- Goldina R. D.* Lomovatovskaya kultura v Verhnem Prikame [Lomovatovskaya culture in the Upper Kama region]. – Irkutsk: Irkut. un-ty Publ., 1985. – 280 p. (in Russian)
- Goldina R. D., Bermts V. A.* Turaevskiy I mogilnik – unikalnyy pamyatnik epohi velikogo pereseleniya narodov v Srednem Prikame (beskurgannaya chast): materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii [I Turayev burial – the unique site of the great transmigration of peoples in the Middle Kama (part of the flat graves): materials and researches of the Kama and Vyatka archaeological expedition]. – Vol. 17. – Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2010. – 499 p. (in Russian)

- Goldina R. D., Krasnoperov A. A. Nyirgyindinskiy I mogilnik II–III vv. na Sredney Kame [I Nyirgyndinsky burial of II–III centuries AD in the Middle Kama] // Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arheologicheskoy ekspeditsii [Materials and researches of the Kama and Vyatka archaeological expedition]. – Vol. 22. – Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2012. – 364 p. (in Russian)
- Halafyan A. A. Statistika 6. Statisticheskiy analiz dannykh [Statistical analysis of the data]. – M.: Ltd. “Binom-Press” Publ., 2008. – 512 p. (in Russian)
- Ivanov V. A., Obyidennov M. F. Arheologiya goroda Ufyi. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii i kulturyi goroda [Archaeology of Ufa. The sketches of ancient and medieval history and culture of the city]. – Ufa: “Yurika” Publ., 2001. – 184 p. (in Russian)
- Krasnov Yu. A. Bezdvodninskiy mogilnik: k istorii Gorkovskogo Povolzhya v epohu rannego srednevekovya [Bezdvodninsky cemetery: the history of the Gorky Volga region in the early Middle Ages]. – M.: Nauka Publ., 1980. – 224 p. (in Russian)
- Levina L. M. Raskopki mogilnikov v okrestnostyakh gorodisch Bedaik-asar, Kos-asar i Tompak-asar [Excavations of the cemeteries in the area of the Bedaik-asar, Kos-asar and Tompak-asar settlements] // Nizovyya Syrdari v drevnosti [The lower reaches of the Syrdarya river in ancient times]. Vol. 3. Dzhetyiasarskaya kultura [Dzhetyiasarskaya culture]. Part 2. Mogilniki Tompakasar i Kosasar [Tompakasar and Kosasar cemeteries]. – M.: N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 1993. – 283 p. (in Russian)
- Mazhitov N. A. Kurgannyiy mogilnik v d. Novo-Turbasly [Burial mounds in the village Novo-Turbasly] // Bashkirskiy arheologicheskii sbornik [Bashkir archaeological collection of articles]. – Ufa, 1959. – P. 114–142. (in Russian)
- Mazhitov N. A. Bahmutinskaya kultura. Etnicheskaya istoriya naseleniya Severnoy Bashkirii serediny I tyis. n.e. [Bahmutinskaya culture. Ethnic history of the population of the Northern Bashkiria in the middle of I millennium AD]. – M.: Nauka Publ., 1968. – 162 p. (in Russian)
- Mazhitov N. A. Yuzhnyiy Ural v VII–XIV vv. [Southern Urals in VII–XIV centuries]. – M.: Nauka Publ., 1977. – 240 p. (in Russian)
- Mazhitov N. A. Yuzhnyiy Ural v VI–VIII vv. [Southern Urals in VI–VIII centuries] // Stepi Evrazii v epohu Srednevekovya. Seriya: Arheologiya SSSR [Eurasian Steppes in the Middle Ages. Series: Archaeology of the USSR]. – M.: Nauka Publ., 1981. – P. 23–28. (in Russian)
- Mazhitov N. A., Sungatov F. A., Sultanova A. N. Sokrovischa Drevney Ufyi [Treasures of Ancient Ufa]. – Ufa: Unitary enterprise “GRI «Bashkortostan»” Publ., 2008. – 112 p. (in Russian)
- Malashev V. Yu. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of the belt ensemble of the Late Sarmatian time] // Sarmaty i ih sosedi na Donu [Sarmatians and their neighbors in the Don region]. – Rostov-na-Donu, 2000. – P. 194–232. (in Russian)
- Oldenderfer M. S., Bleshfeld R. K. Klasternyy analiz [Cluster analysis] // Faktornyy, diskriminantnyiy i klasternyy analiz [The factor, discriminant and cluster analysis]. – M.: Finansy i statistika [Finance and Statistics] Publ., 1989. – P. 139–209. (in Russian)
- Ostanina T. I. Nivskiy mogilnik III–V vv. [Nivsky cemetery of the III–V centuries] // Materialy k ranney istorii naseleniya Udmurtii [Materials to the early history of the population of Udmurtia]. – Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1978. – P. 92–117. (in Russian)
- Ostanina T. I. Naselenie Srednego Prikamya v III–V vv. [The population of the Middle Kama region in the III–V centuries]. – Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Science Publ., 1997. – 327 p. (in Russian)
- Rozenfeldt I. G. Drevnosti Zapadnoy chasti Volgo-Okskogo mezhdurechya v VI–IX vv. [The Antiquities of the western part of the Volga and Oka rivers in VI–IX centuries]. – M.: Nauka Publ., 1982. – 177 p. (in Russian)
- Savelev N. S., Akbulatov I. M., Ovsyannikov V. V., Lebedev A. I., Ahmetova E. A., Ahmetov E. S. Proekt zonyi ohrany ob'ektov kulturnogo naslediya goroda Birska: V 2 t. [The project of the protection zone of the objects of the cultural heritage of the city Birska in 2 volumes]. – Vol. 1. Tekst, graficheskie materialy [The text and the graphics] // Arhiv NPTs Ministerstva kulturyi Respubliki Bashkortostan [The archive of the Scientific Production Centre of the Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan]. – Ufa, 2007. Without number. (in Russian)
- Sultanova A. N. Birskiy mogilnik: istoriko-arheologicheskoe issledovanie: dis. ... kand. ist. nauk [Birska cemetery: historical and archaeological research: the dissertation on competition of the degree of Candidate of Historical Science]. – Ufa, 2000. – 207 p. (in Russian)
- Sungatov F. A. Pogrebalnyie kompleksy Dezhnevskogo i Novo-turbaslinskogo mogilnikov (po materialam raskopok 1989–1992 gg.) [The burial complexes of the Dezhnevskiy and Novo-turbaslinskiy cemeteries ((based on excavations of 1989–1992))] // Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala [Nomads' burial mounds of the Southern Urals]. – Ufa: Gilem Publ., 1995. – P. 118–137. (in Russian)

Sungatov F. A. Turbaslinskaya kultura (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov V–VIII vv. n.e.) (Turbaslinskaya culture (based on the burial sites of V–VIII centuries AD)). – Ufa: Gilem Publ., 1998. – 169 p. (in Russian)

Sungatov F. A. Etnokulturnye protsessy v Priurale v rannem srednevekovye (IV–VIII vv. n.e.) [Ethnic and cultural processes in the Urals in the early Middle Ages (IV–VIII centuries AD)] // Vostok v istoricheskikh sudbah narodov Rossii: V Vserossiyskiy s'ezd vostokovedov [The East in the historical destinies of the people of Russia: V Russian Congress of Orientalists]. – Ufa: Villi Oksler Publ., 2006. – P. 85–97. (in Russian)

Sungatov F. A., Garustovich G. N., Yusupov R. M. Priurale v epohu velikogo pereseleniya narodov (Staro-Mushtinskiy kurganno-gruntovyy mogilnik) [Ural region in the era of the great transmigration of peoples (Staro-Mushtinskiy barrow-ground cemetery)]. – Ufa: Unitary enterprise «Ufimskiy poligrafkombinat» Publ., 2004. – 172 p. (in Russian)

Vasyutkin S. M. Angasyakskiy mogilnik – ranniy pamyatnik bahmutinskoy kultury [Angasyaksky cemetery – the site of the early bahmutinskaya culture] // Pamyatniki epohi srednevekovyaya v Verhnem Prikame [The sites of the Middle Ages in the Upper Kama region]. – Izhevsk, 1980. – P. 72–91. (in Russian)

Bakhshiev I. I., candidate of historical science, Head of Department of the archaeological heritage of South Ural.

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.

Ul. Karl Marksa, Ufa, Russia, 450077.

E-mail: ibahsh@gmail.com

Kuferin V. V., candidate of biological science.

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University.

Ul. Oktjabr'skoj Revoljucii, Ufa, Russia, 450000.

E-mail: vladimirkuferin@mail.ru

Bakhshiev R. I.

Bashkir State University.

Ul. Zaki Validi, 32, Ufa, Russia, 450076.

E-mail: rusbahsh@yandex.ru

Gizzatov D. Z.

State budgetary institution of culture research-and-production centre on protection of immovable cultural heritage of the Republic of Bashkortostan under the Ministry of culture of the Republic of Bashkortostan.

Ul. Chernyshevskogo, 47, Ufa, Russia, 450076.

E-mail: arhnpc@mail.ru